

Цзин Юньмо вернувшись домой, сразу принялась искать в интернете прошлое господина Гуань Хэ. Выяснилось, что до того, как приехать в Еласо, он уже помог многим детям исполнить их заветные желания, причем раньше оставался совершенно безвестным — всё это всплыло наружу лишь после его смерти. Люди чтят его память, тоскуют по нему и надеются, что на том свете к нему будут относиться с нежностью. Разумелось, находились и те, кто поливал его бранью, но сам господин Гуань не обращал внимания на подобные разговоры. В его глазах имело значение лишь будущее детей, которым он когда-то помог. Кое-кто даже раскопал, что в прошлом господин Гуань и сам был ребенком с тяжелой судьбой, поэтому ему прекрасно была знакома боль одиночества и беспомощности. Желая уберечь детей от повторения своей участи, он неустанно трудился, обеспечивая им достойную жизнь, хорошую одежду, еду и жилье.

Увидев это, Цзин Юньмо почувствовала, как у нее защипало глаза. При жизни господин Гуань никогда и никому не рассказывал об этом. Скажи он хоть слово — и гораздо больше людей поддержали бы его, протянули руку помощи и пожертвовали куда больше денег. Однако он не стал ничего объяснять миру, молча взвалив всё на свои плечи.

— Спи спокойно, твоя душа может не тревожиться, я обязательно во всем разберусь ради тебя.

Думая об этом, Цзин Юньмо задавалась вопросом: с чего же начать?

Она откинулась назад, прислонившись к спинке компьютерного кресла, и повернула голову к окну. На большом дереве щебетали птицы, солнце постепенно клонилось к закату, но в голову ей так и не приходило ни одной толковой идеи.

Прежде всего необходимо подобраться к той женщине. Судя по всему, она являлась женой господина Гуань: во всяком случае, судя по внешности, они были примерно одного возраста. Но по одному ее взгляду и манерам становилось понятно, что добиться от нее хоть слова не удастся ни за что на свете! Цзин Юньмо уткнулась лбом в компьютерный стол и взъерошила волосы.

— Как же всё надоело! Я вовсе не какая-нибудь спасительница справедливости, чтобы ввязываться в эту мутную историю! Ладно, решено, начну с газетной редакции!

Подбодрив себя, Цзин Юньмо тут же помчалась в редакцию газеты Синьлюнянь.

Тем временем в особняке женщина закрывала лицо руками и горько плакала. Перед ней лежала последняя прижизненная фотография мужа. Прежде оживленный дом теперь казался донельзя пустым и холодным. Осколки разбитого стакана тихонько лежали на полу; женщина не зажигала свет, а шторы были плотно задернуты. Скуля и не переставая рыдать, она сидела на диване. Она так надеялась прожить с любимым человеком всю жизнь, а теперь ее духовная опора рухнула. Каждый день ее жизни превратился в невыносимую муку, и, пожалуй, у нее больше не осталось причин продолжать жить.

— Госпожа Цзин, то, о чем написано в этой газете, сущая правда.

— Хорошо, спасибо вам за сотрудничество!

Попрощавшись с сотрудниками редакции, Цзин Юньмо снова поспешила к дому, где жила жена господина Гуань Хэ. Она уже убедилась в достоверности всей истории, и это стало новой отправной точкой, а также лучшим способом разоблачить их грязные методы. Единственное, что не давало ей покоя: об этом уже написали в газетах, и по логике вещей все должны были осознать обманную сущность Еласо. Почему же число сторонников Еласо не падало, а только росло? Неужели и впрямь кто-то в глубине души одобрял подобные вещи? Было смутное ощущение, что за всем этим кроется какой-то подвох. Единственной лазейкой оставалась жена господина Гуань Хэ: только если она сама расскажет всю правду в сочетании с материалами из компьютера Цзин Юньмо, истина наконец выйдет наружу и люди смогут сплотиться, чтобы дать отпор Еласо.

— Фух...

Стоя перед парадным входом, Цзин Юньмо мысленно подбодрила себя. Раз уж она зашла так далеко в своих поисках, глупо было бы отступить, верно? Она даже попала в розыск Еласо из-за этого дела. Если сдать сейчас, это будет равносильно тому, чтобы собственноручно отдать собранные с таким трудом улики в чужие руки, позволив людям, страдающим от безработицы, и дальше прозябать в боли и чувстве вины. К тому же возрастал риск того, что на свет появится еще больше таких прекрасных людей, как господин Гуань Хэ, или же все добрые и благородные качества порядочных людей окажутся навеки погребены.

— Здравствуйте, сударыня, мы можем поговорить?

Изнутри не последовало ответа. Сколько бы Цзин Юньмо ни стучала, в доме не раздавалось ни звука. Странно, куда она могла уйти в такой час? Цзин Юньмо расспросила соседей и мелких уличных торговцев, но в ответ слышала лишь то, что никто не видел, чтобы кто-то выходил из дома. Сопоставив это с ее психологическим состоянием после недавней потери мужа, Цзин Юньмо пришла к выводу: если женщина не выходила наружу, оставался лишь один вероятный исход!

Не раздумывая больше ни секунды, Цзин Юньмо бросилась таранить дверь, но ее сил хрупкой девушки явно не хватало. Обойдя особняк кругом, она наконец решила забраться через окно. Хотя это могло грозить ей арестом за незаконное проникновение в жилище, на кону стояла человеческая жизнь, и думать об этом было некогда. Отыскав на земле какую-то каменюку, она выбила стекло. Этот шум привлек зевак, и вскоре прохожие начали тыкать в нее пальцами и что-то бубнить за воротами.

Перемахнув через подоконник, Цзин Юньмо обнаружила, что во всем доме царит кромешная тьма. Если человек, переживший утрату любимого человека, ко всему прочему запирается в темноте один на один со своим горем, это само по себе пагубно сказывается на психике, не говоря уже о разрушительном ударе из-за гибели второй половины. В темных комнатах не получалось разобрать дорогу под ногами, и тогда Цзин Юньмо включила фонарик на телефоне. Луч света выхватил жуткую картину: жена господина Гуань Хэ лежала на полу, едва заметно подымаясь. Ее остекленевший взгляд блуждал по комнате, а из запястья тонкой струйкой

продолжала сочиться кровь.

Не раздумывая ни мгновения, Цзин Юньмо набрала номер экстренных служб. Ну надо же быть такой глупой девчонкой!

Однако снаружи послышался вой сирены — кто-то из зевак, видимо, принял Цзин Юньмо за воровку и вызвал полицию. По прибытии стражей порядка Цзин Юньмо пришлось долго и нудно всё им объяснять, и лишь разобравшись в ситуации, полицейские вошли в дом. Тем не менее подозрения с Цзин Юньмо не сняли. Вскоре после приезда скорой помощи ее отвезли в полицейский участок для составления протокола: полиция не исключала вероятность того, что она совершила проникновение с целью убийства.

— Я никого не убивала!

— Ни один убийца не признается в содеянном.

Как бы Цзин Юньмо ни объясняла ход событий, как бы ни доказывала, что прибегла к силе исключительно ради спасения человека, для полиции все эти слова выглядели лишь жалкими оправданиями. Пока улики были недостаточно убедительны, стражи порядка не могли с уверенностью заявить, что Цзин Юньмо не убийца, но и подозрения с нее не снимались. Посоветовавшись, они поместили девушку под стражу. Выйти на свободу она сможет только после того, как полиция соберет улики и докажет ее невиновность.

Цзин Юньмо сидела на жестких досках тюремной койки — они казались ненамного мягче ее старой студенческой кровати. Какая же чудовищная несправедливость! Она ведь пыталась спасти жизнь, и вместо благодарности ее теперь записали в убийцы. Едва забрезжил крошечный луч надежды, как приходится тратить драгоценное время за решеткой, и неизвестно, сколько проднется полицейское расследование. Оставалось лишь надеяться, что ту женщину удастся спасти. Когда она выберется наружу, единственный свидетель будет жив — пускай придется и дальше возиться с ней, но пока свидетель дышит, у правды остается шанс выйти на свет.

— До чего же я падка на всякие глупости и чужие беды, — с горькой усмешкой пробормотала Цзин Юньмо, улеглась на тюремную койку и закрыла глаза, глядя на холодный, протекающий потолок.

<http://bllate.org/book/21086/2141869>